

ВОСТОЧНАЯ СИБИРЬ

Копать – не перекопать
Столице Забайкалья дали денег
на «приличный вид»

15 МИЛЛИОНОВ рублей выделили власти Забайкальского края на приведение в порядок столицы региона – Читы. Деньги пойдут на благоустройство города и подготовку к зиме. На эти средства читинские чиновники должны будут, по рекомендации краевых властей, привести Читу в «красивый, надлежащий, цивилизованный вид», ведь в течение лета местные энергетики вели ремонтные работы, в результате перекопанным оказался весь центр города.

«Прыгайте через забор»

В одном сибирском городе человек чувствует себя комфортно, а из другого хочется бежать. Почему?

ПРОВЕРЕНО НА СЕБЕ

Геннадий Васильев, Красноярск

Места, в которых мы живем, — как люди: у каждого — свой характер, свое «лица необщее выражение». Иногда это лицо располагает с первой минуты знакомства, в него хочется вглядываться, хочется полюбить и стать ему родным. А бывает выражение такое, что вызывает одно желание: как можно скорее оказаться подальше и забыть, как дурной сон. Зависит это не только от муниципальной власти (хотя от нее — в первую очередь), но и от нас самих.

Чисто там, где убирают

По утрам я гуляю вдоль берега Качи. 18 лет назад, когда мы здесь поселились, речка была запущена, берега заросли кустарником, грязноватая вода нехорошо пахла и тащила на себе весь мусор, который выше по течению в нее охотно сбрасывали обитатели частного малоэтажного сектора. Потом берега очистили от кустарника, укрепили, благоустроили набережную, и сбрасывать мусор стало как-то неловко даже малоцивилизованным гражданам. Кача стала заметно чище. Гулять вдоль берега, прикармливая многочисленных уток, теперь одно удовольствие. И я себе в нем не отказываю.

По утрам здесь много собачников. Большинство носит с собой полиэтиленовые пакеты, совочки, убирает за питомцами. Культурные люди. Однажды во время прогулки увидел картинку, которая пошатнула веру в то, что стремление стать культурными — повально. Мужчина вполне интеллигентного вида, пенсионер по возрасту, по внешности — не то бывший учитель, не то музыкант (в нашем квартале таких много),

выгуливал пса. Намордник, поводок — все, как положено. Только пакетика у хозяина не было, пес извергал из себя лишнее куда попало, там оно и оставалось. Но не это возмутило и заставило вступить в диалог — в конце концов, цивилизация достигнет и его, этого хозяина. Или пес помрет раньше. Повергло в изумление вот что. Человек нагнулся, поднял остав-

сонаж». Немногочисленные урны в сквере над Качей остались — так ведь их не чистят или чистят раз в неделю. И делают это сугубо избирательно. Я попытался выведать у женщины, униформа которой помечена аббревиатурой «УЗС», то есть «Управление зеленого хозяйства», отчего она и ее бригада чистят урны строго до моста, а за мостом не чистят?

«Почему у вас такой бардак?!

В Иркутске тоже ремонтируют дороги, но как-то быстро, не создавая проблем для движения!»

ленную кем-то пустую бутылку из-под пива — и швырнул ее в Качу. На мой естественный вопрос — зачем? — последовал ответ, который меня изумил больше, чем само действие: «Дети гуляют, эти бутылки бьют и режутся. А река — что ей сделается?» Объяснять что-то человеку, уверенному в том, что гадить под себя — достоинство, а не наоборот, — дело неблагоприятное. Пришлось плюнуть и отойти, тем более что пес всем видом говорил: «Снимут намордник — порву в клочья!» Отошел — и задумался. Пустые бутылки, в изобилии валяющиеся под скамейками, появились здесь после того, как в чьей-то голове родилась идея убрать все урны вдоль берега. На масштабах вечернего уличного пьянства это не сказалось никак, пиво (и не только) здесь пьют по-прежнему регулярно ежевечерне, зато бутылки, которые раньше укладывали в урны, теперь просто бросают под скамейки. Или в Качу, как вышеупомянутый «интеллигентный пер-

«Это не наше!» — отрезала женщина.

Катастрофический ремонт

Еду в такси. Водитель, стоя в заторе, связанном с ремонтом очередного сегмента моста через Качу, матерно недоумевает: «Почему у вас такой бардак?! В Иркутске тоже ремонтируют дороги, но

Ремонт сетей на улице Парижской коммуны в Красноярске. Пешеходы вынуждены преодолевать препятствие, но это никого не заботит.

как-то быстро, не создавая проблем для движения!» Он — оттуда, и взгляд на нашу действительность у него свежий, не замыленный. Я вспомнил: в Томске так же, как у нас, активно ремонтируют дороги, снимают старый асфальт, кладут новый. И канализационные люки тоже какое-то время возвышаются над мостовой, но каждый из них обозначен специальным знаком красного цвета, его видно издали, и водитель загодя может сманеврировать, лишив себя повода ругать дорожников. Красноярские водители дорожников ругают смачно — и, увы, вполне заслуженно.

Ремонт в Красноярске — вообще стихийное бедствие, идет ли речь о дорогах или коммунальных сетях. Куда ни ткни — все выдает тотальное пренебрежение интересами земляков. Около нашего дома на Конституции СССР уже больше месяца зияет огромная яма, рядом — куча вырытой земли. Это энергетики что-то ремон-

тируют. Рабочие здесь появляются примерно раз-два в неделю. Яма углубляется, куча земли растет. Спрашиваю: «Скоро?» Отвечают, как на духу: «Не скоро!» Вопрос «почему?» вызывает раздражение.

На углу улиц Парижской коммуны и Мира тоже ремонт сетей. Здесь пешеходный переход заложили бетонными блоками, для ясности занавесили полосатой лентой, и люди перешагивают через забор. Подошел к руководителю этого шоу: «А нельзя на этот случай хотя бы звено металлического ограждения убрать, чтобы люди могли нормально переходить улицу? Молодым — ладно, а старикам-старикам как быть?» Инженер-строитель, приятный такой молодой человек, ответил вежливо: «Спасибо, подумаем». Думают вторую неделю. Горожане преодолевают препятствие.

Металлические заборы, ограждения вдоль проезжей части — фирменное отличие Красноярска от всех сибирских городов. Ни в Кемерово, ни в Томске, ни в Новосибирске... далее по списку — ни в одном из названных и неназванных городов людей не считают тем, кем считают в Красноярске. Ограждения делаются якобы ради нашей общей безопасности. Однако улицу как переходили где попало, так и переходят, а заборы превращают город в зоопарк. Для верности и уж точно стопроцентного результата вместо низких ограждений, которые можно перешагнуть, следует натянуть колючую проволоку и пустить по ней ток. Никто никуда не пойдет.

Еще одно красноярское отличие — П-образные переходы на перекрестках. Додуматься до этого мог только человек, у которого никогда не было в родне пожилых, немощных людей. Надеюсь, не надо объяснять — почему? В Томске проблема перехода перекрестков во многих местах решена так: светофор запирает одновременно все четыре улицы, и пешеходы свободно переходят, в том числе по диагонали. Такое я раньше видел только в Японии. Говорят, есть и в Иркутске. Идея проста, изящна и не требует затрат на установку металлических ограждений. Впрочем, последнее в определенных кругах может быть расценено как минус.

А КАК У СОСЕДЕЙ?

В шахтерском, пролетарском и обожаемом мною городе Кемерово вдоль городских магистралей стоят большие мусорные баки с надписью: «Для вас, водители». Можно подъехать — и прямо из окна автомобиля выбросить лишнее. Не под себя, не на мостовую, а в специально отведенное место. Мусорниц в городе столько, что сорить не то чтобы неловко, а как-то даже глупо. Нерационально. И главное — их чистят! Каждый день, по несколько раз. То же — в моем родном Томске. Слоган советского образца «Чисто не там, где убирают, а там, где не мусорят» — глупый и безответственный. Он оправдывает аморфность ответственных, обличенных властью людей. А еще в Кемерово много уличных туалетов. Чистых и — внимание! — бесплатных. В центре, конечно, — так ведь центр и есть лицо города. Вы когда-нибудь пробовали, испытывав внезапное желание, реализовать его в центре Красноярска? Не завидую тем, с кем эта беда приключилась.

О РЕСТАВРАЦИИ

Томск славится своими памятниками архитектуры — деревянными и каменными. Все или почти все они — в хорошем состоянии, за ними следят, их архитектурный облик поддерживают. Есть кому. Началось все несколько десятилетий назад с небольшой мастерской «Томскреставрация», затем мастерская выросла в управление, на его базе было создано ПТУ (ныне — колледж). Сегодня, по словам красноярского архитектора Михаила Меркулова, томские реставраторы ценятся как питерские или псковские, это — бренд. Памятники архитектуры в Томске — то, ради чего уже стоит хотя бы раз побывать в этом сибирском городе. Весь центр — сплошной архитектурный музей. В Красноярске понятие реставрации упразднено. Формально какие-то фантомные проекты то и дело возникают, но чаще всего это не имеет никакого отношения ни к культурному наследию, ни к исторической памяти. Нер-

едко объектами культурного наследия объявляются здания, не представляющие никакой ценности. Единственная компания, носящая «профильное» название и призванная реставрировать, давно уже ушла в более выгодный бизнес, став застройщиком. Она не виновата. Если власть не заботится о сохранении прошлого, а больше озабочена регулярной заменой бордюрного камня, почему предприниматель должен мучиться этой головной болью? В конце, по логике, должны звучать вопросы: «Почему у нас делается ненужное, а нужное не делается?» Но вопросы такого рода недаром названы риторическими. Ответы на них давно и всем известны. Досадно, что, по каким бы параметрам я ни сравнивал город, в котором живу, с другими сибирскими городами, сравнение не в пользу Красноярска. Досадно — и обидно.